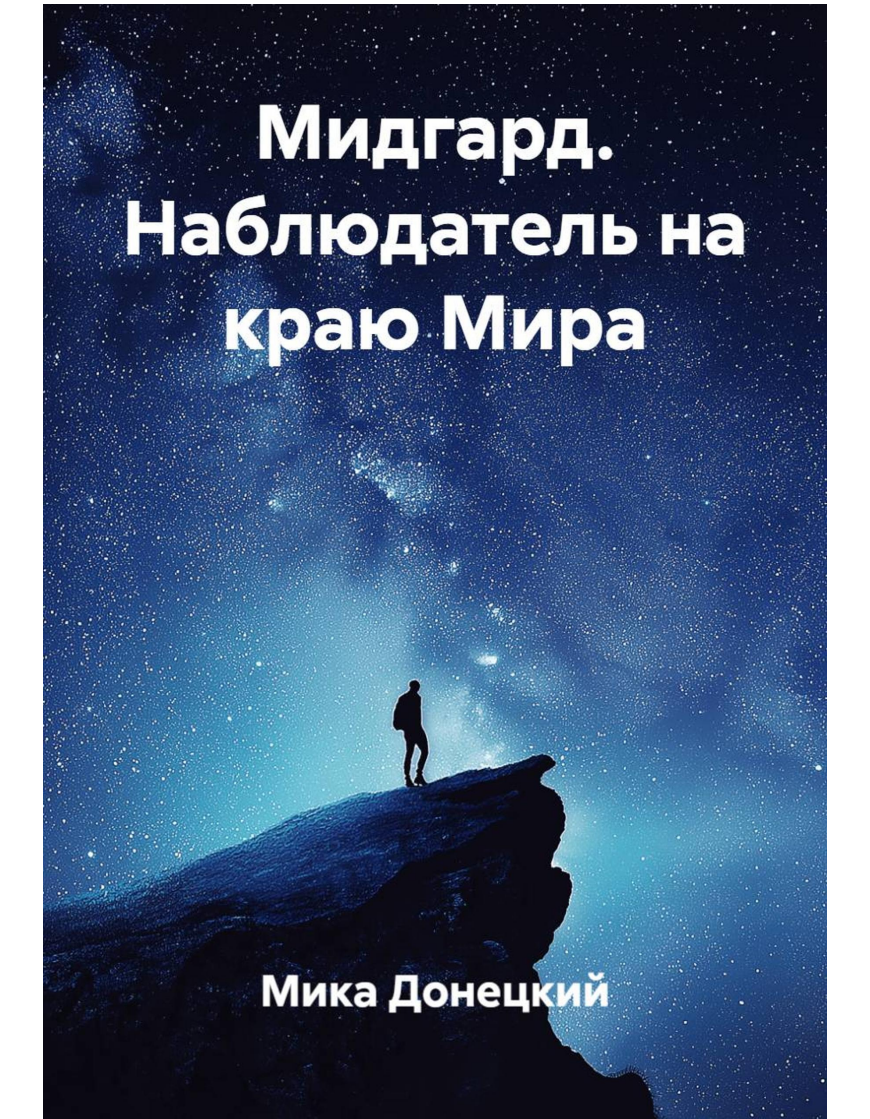

A person stands on the edge of a dark, jagged rock formation, looking up at a vast, star-filled night sky. The Milky Way galaxy is visible, stretching across the frame. The scene is illuminated by the soft glow of the stars, creating a sense of wonder and exploration.

Мидгард. Наблюдатель на краю Мира

Мика Донецкий

Мика Донецкий

Мидгард. Наблюдатель на краю Мира

<https://litres.ru/74503874>

SelfPub; 2026

Аннотация

«На краю не известного мира, где солнце не садится, а тишина звучит громче крика, судьба команды зависит не от силы и не от скорости — а от умения видеть и слышать.

Верис первым замечает странности: рябь, идущую не от ветра, песок, хранящий чужое тепло, металл корабля, будто пробующий этот мир на вкус. Но он понимает: одного взгляда мало. Чтобы разгадать Мидгард, нужна вся команда.

Постепенно команда осознаёт: им не нужно покорять Мидгард. Им нужно научиться говорить на его языке — и этот язык состоит из мелочей. Каждый замечает своё, и только вместе из разрозненных деталей складывается карта понимания. А понимание становится их главным инструментом — и единственным путём домой.

Наблюдатель на краю мира — о том, как команда, собрав воедино все взгляды, учится слышать чужой мир и в этом слушании находит силу быть вместе.»

Содержание

Часть 1.	4
Глава 1. Падение Вайтмары.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Мика Донецкий

Мидгард. Наблюдатель на краю Мира

Часть 1.

Пролог. Прибытие на Мидгард.

Когда небо ещё было молодым и дышало огнём, а океаны только учились шептать, пришла Вайтмара.

Она не упала с небес — она медленно опускалась, дрожа и стеная, словно огромная птица с подбитым крылом. Её чрево, привыкшее к тишине межзвёздной пустоты, теперь отзывалось лязгом на каждый толчок чужого воздуха. Небесная колесница была ранена — и рана эта не от битвы, а от пути, который оказался длиннее, чем выдержало её тело.

Я стоял у иллюминатора и смотрел, как Мидгард приближается. Сначала — синяя точка, потом — круг, потом — мир. Живой, тёплый, дышащий. И такой чужой, что сердце сжалось.

Вайтмара коснулась земли мягко — на Северном полюсе, там, где Ярило-Солнце не желало заходить на покой. Оно висело над горизонтом, низкое и тусклое, но неутомимое — вечный день, вечный свет. Позже, в Сказах, скажут: Ярило не

уходило, чтобы постоянно видеть благие дела тех, кто пришёл. Но тогда, в тот час, мы ещё не знали, что дела наши будут благими. Мы знали только одно: мы больше не можем лететь.

Было восемнадцать часов по нашим часам, когда металл трапа смешался с землёй. Ветер пахнул солью и чем-то древним, незнакомым, от чего волосы на руках вставали дыбом. Земля дрожала, но не от удара — а будто вздохнула: наконец-то. Или: зачем вы здесь?

Из чрева Вайтмары вышли те, кого позже назовут Предками. И они были не одинаковы — потому что пришли с разных Земель, из разных созвездий, и свет их родных солнц навсегда отпечатался в их глазах.

Четыре рода.

Первыми сошли Да'Арийцы. Серебро в их глазах было холодным и ясным, как свет звёзд созвездия Малой Медведицы, откуда они пришли. Они ступали на землю так, словно уже знали, что она примет их не как гостя, а как поле битвы. Их руки искали оружие раньше, чем ноги находили опору. Старший среди них оглядел горизонт и не задал вопросов — он сразу начал считать: сколько выходов с берега, где укрытие, откуда может прийти беда. Да'Арийцы были предводителями и воинами, и в их молчании было больше порядка, чем в чужих приказах.

За ними — Ха'Арийцы. Зелень их глаз была глубокой, как цвет тех далёких созвездий, чьи имена они помнили на-

изусть: Большая Медведица, Лебедь. Они не смотрели на землю — они её слушали. Один из них опустил ладонь на камень и замер. «Она живая, — сказал он. — Не так, как мы. Но живая». Ха'Арийцы были ведунами и священнослужителями, и они первыми поняли, что Мидгард — не пустой сосуд, а мир с памятью.

Третьими — Светорусы. Синева их глаз была цвета ясно-го дня, и пришли они из созвездий, где свет был ровным и сильным. Они не ждали приказов и не молились — они сразу начали смотреть, из чего можно сделать укрытие, как согреться, как закрепить трап, чтобы он не обрушился. Их руки были ловкими, а головы — быстрыми: ремесленники и изобретатели, для которых любой новый мир — это просто новая задача.

Последними — Рассены. Огонь в их глазах мерцал и переливался, как живое пламя, и пришли они с Земель созвездия Льва. Они сошли на берег и сразу — заговорили. Не между собой, а с землёй, с ветром, с водой. Они смеялись и трогали всё руками, и спрашивали у каждого камня, как его зовут. Очень общительные, контактные — они не могли находиться в тишине, потому что тишина для них была как отсутствие воздуха.

Чужой мир.

Старший из Да'Арийцев посмотрел на горизонт и тихо сказал:

— Здесь всё будет иначе.

И я тогда впервые почувствовал, что «иначе» — это не про удобства, а про цену.

Мидгард встретил нас неприветливо, хотя и не враждебно. Гравитация была выше, чем на нашей прародине — не сильно, но достаточно, чтобы тело чувствовало лишний вес. Мы спускались по трапу и двигались медленнее, чем привыкли, и каждый шаг давался тяжелее. Потом мы узнали: наши кости крепче, чем у местных существ — их плотность была иной, 0,8 против здешних 1,0 и выше. Мы были легче, чем этот мир, — и мир это чувствовал.

Местные твари — те, что встретились нам в первые часы — двигались уверенно, свободно, будто родились для этой земли. Они вставали на конечности почти сразу после рождения и шли. А наши дети... Наши дети кричали. Кричали при рождении — не от боли, а от давления, которое было выше, чем в том мире, где их ждали. И им нужно было больше времени, чтобы научиться держать голову, ползать, ходить. Предки придумали рожать в воду — чтобы ребёнок переходил из одной среды в другую мягко, и мир не давил на него сразу всем своим весом.

Потом мы заметили и другое. Если человека заточить в тёмное пространство, он не оставался в привычном ритме — он уходил в 36, а то и 48 часов бодрствования и сна, будто его тело помнило ритм другой звезды, другого солнца. А местные животные не изменяли своего — они жили в 24-часовом круге, точные, как часы. Это было первым доказа-

тельством: мы — не отсюда. Мы — пришедшие. И сколько бы поколений ни сменилось, тела наши будут помнить путь, который привёл нас сюда.

Даария.

Континент, на который мы ступили, мы назвали Даария — Дар Ариям от Богов. Он лежал на Севере планеты, там, где сейчас льды и тишина, но тогда — тогда это была земля под вечным солнцем. Ярило не уходило. Не было ночи. Не было тьмы. Был свет, и в свете — мы.

Четыре рода, четыре цвета глаз, четыре дара. И один общий груз: мы больше не могли вернуться. Вайтмара — небесная колесница, принесшая нас через звёзды — была сломана. Она не полетит снова. И потому мы сделали то, что делали всегда: встали на новую землю и понесли свою Традицию дальше — через Круги Времён, в изначальном варианте, как завещали те, кто послал нас вперёд.

Это сказание о первом дне. О дне, который не закончился, потому что солнце не зашло. О дне, который стал началом всех наших дней на Мидгарде.

Лето ~1, 5 миллиардное от прибытия на Мидгард первой вайтмары Великой Расы Рода небесного.

Глава 1. Падение Вайтмары.

Я до сих пор помню этот звук — такой, будто весь мир скрежещет зубами. Не взрыв, не грохот, а именно протяжный, тяжёлый стон металла, которому больно. Вайтмара не падала — она сдавалась. Медленно, упрямо, но всё-таки сдавалась.

— Держим курс! — кричал старший пилот, хотя держать уже было нечего.

Панель перед ним мигала тревожными огнями, и каждый новый сигнал будто отрезал нам ещё один путь назад. Мы шли через пустоту столько циклов, что уже забыли, как выглядит настоящая буря, а тут вдруг оказалось: буря — это когда твой межзвёздный корабль перестаёт слушаться собственных рулей.

Я стоял у иллюминатора, вцепившись пальцами в холодный металл обрамления, и смотрел, как внизу растёт эта синяя точка. Сначала просто точка, потом шар, потом — целый мир. И он был слишком живой. Слишком тёплый. Слишком громкий для нас, привыкших к тишине космоса.

— Мидгард, — тихо произнёс кто-то рядом. Просто имя, без пафоса. Но в нём вдруг прозвучало всё сразу: и надежда, и страх, и понимание, что дальше будет только тяжелее.

Вайтмара вздрогнула в последний раз и пошла на сниже-

ние. Не по плану, не по расчётам — по инерции и молитве. Я не верил в молитвы, но в тот момент шептал что-то сквозь зубы, сам не зная что.

Когда мы коснулись земли, планета не ударила нас. Она просто... вздохнула. Мягко, глубоко, будто ждала этого момента. Земля дрожала, но не от ярости — а будто наконец-то выдохнула: «Ну вот, теперь ты здесь».

Я глянул на хронометр восемнадцать ноль ноль ровно. Как будто сама судьба поставила точку. И тут же заметил ещё одну странность: солнце не садилось. Вообще. Оно висело над горизонтом, низкое, оранжевое, но упрямое — и не собиралось уходить.

— Вечный день, — пробормотал я, будто если произнесу это вслух, оно станет правдой.

Рядом остановился Борвин, старший из Да'Арийцев — тот самый, который никогда не говорил лишнего. Чуть позади него, как всегда, стояла Мирана: она не пыталась быть на виду, но именно её глаза замечали то, мимо чего проходили все остальные. Сейчас она смотрела на горизонт так, будто уже раскладывала его на сектора, отмечая, где может прятаться угроза.

— Мы здесь надолго, — сказал Борвин спокойно. Без горечи, без злости. Просто как факт, который надо принять.

И в эту секунду я понял: мы не просто приземлились. Мы остались.

Кто-то из молодых сорвался с места, хотел броситься к вы-

ходу, будто там, за люком, его ждёт спасение. Это был Ярун из Рассенов — он всегда первым рвался вперёд, даже когда лучше было постоять и подумать. Но Борвин только поднял руку — и парень замер, будто наткнулся на невидимую стену. Рядом с Яруном тут же оказалась Лисса: она не стала его одёргивать, просто встала рядом и чуть кивнула, как будто говорила: «Сейчас не время. Но ты не один».

— Сначала осмотримся, — голос старшего звучал ровно, но в нём звенела сталь. — Сначала поймём, куда мы привели свой корабль.

Я снова глянул в иллюминатор. Вайтмара лежала на земле, огромная, гордая, но теперь — беспомощная. Её крылья были сложены, будто она устала лететь. И я вдруг почувствовал странное: не только мы пришли сюда. Она тоже пришла. И теперь ей тоже придётся учиться жить на этой земле.

Снаружи пахло солью, ветром и чем-то древним, незнакомым — таким, от чего волосы на руках встают дыбом. Это был запах чужого мира. И нашего нового дома.

Зорен, Ха'Ариец, тихо подошёл и встал рядом, не мешая, просто дыша в такт со мной. Потом он медленно протянул руку и коснулся стекла иллюминатора. Чуть позади Зорена опустилась на колено Велана — спокойная, собранная, она будто умела слышать даже то, что ещё не случилось.

— Слышишь? — спросил Зорен едва слышно. — Не звук. А... тяжесть. Будто стекло стало тяжелее от этого воздуха.

Я не слышал. Но почувствовал. И от этого стало ещё

страшнее: если даже стекло теперь чужое, что будет с нами?

Велана чуть наклонила голову, прислушиваясь не к словам, а к тому, как меняется тишина.

— Пусть присматривается, — тихо сказала она. — Но мы не будем обещать больше, чем можем выполнить. Сначала лагерь. Потом разговоры.

Дарвин из Светорусов подошёл чуть позже, уже с планшетом в руках, будто даже в этой катастрофе можно было что-то посчитать. Рядом с ним шла Кира — она не смотрела на экран, она смотрела на сам металл, будто пыталась прочитывать его историю по царапинам и стыкам.

— Если мы не сможем поднять её снова, — тихо сказал Дарвин, глядя не на приборы, а туда, где за стеклом начиналась земля, — нам придётся научиться строить здесь. С нуля.

Кира коротко хмыкнула:

— Не с нуля. У нас есть корабль, есть инструменты, есть знания. И есть время — пока металл ещё наш, а не стал частью этого места.

Борвин кивнул, будто это было именно то, что он и ждал услышать.

— Значит, начнём с того, что есть, — произнёс он. — С этого места. С этого часа.

Мирана чуть сдвинулась вперёд, обозначая готовность действовать. Лисса тихо шепнула что-то Яруну, и тот наконец опустил плечи, будто сбросил с себя лишнюю спешку. Зорен снова коснулся стекла, а Велана прикрыла глаза, слов-

но проверяя, не изменилось ли что-то в самой тишине. Дарвин и Кира уже перекидывались короткими фразами, намечая первые шаги.

А я всё стоял у иллюминатора и смотрел, как этот мир медленно, неотвратно становится нашим.

Первый шаг.

Люк открывали не рывком, а с осторожностью — будто боялись, что мир снаружи ворвётся слишком резко. Сначала пошла тонкая щель, и в неё тут же влетел ветер: не такой, как в коридорах Вайтмары, не фильтрованный и спокойный, а живой, солёный, с примесью чего-то травяного и каменного. Он ударил в лицо, и у меня на секунду перехватило дыхание.

— Порядок, — коротко бросил Борвин, хотя ни один из нас не знал, что тут вообще можно считать порядком.

Трап пошёл вниз с тяжёлым, уверенным лязгом. Металл касался земли, и звук был какой-то... непривычный. Не звонкий, а глухой, будто земля забирала звук себе.

Первым, конечно, двинулся Ярун. Он не выдержал, шагнул вперёд ещё до того, как трап окончательно встал на опоры, и тут же замер, потому что земля под ним была не твёрдой, как палуба, а чуть пружинила.

— Она дышит, — выдохнул он, и в голосе было не торжество, а почти испуг. — Чувствуете?

Да'Арийцы шли следом за Борвином, но не толпой, а цепью, сохраняя дистанцию, сканируя горизонт. Ладомир, второй по рангу, сразу отметил три точки, откуда могла бы прийти угроза, и коротко кивнул, будто закрепляя их в памяти. А чуть впереди, почти сливаясь с тенью скал, двигалась Мирана. Она не делала лишних движений, не смотрела по сторонам — она смотрела сквозь пейзаж, как будто видела его схему. Когда Ярун шагнул, она едва заметно качнула головой — не приказ, не окрик, а тихий сигнал: «Не торо-

пись». И Ярун, хоть и не услышал, будто почувствовал и чуть замедлился.

Ха'Арийцы не торопились. Зорен остановился на верхней ступени, закрыл глаза и просто стоял, подставляя лицо ветру. Потом медленно опустил ладонь на поручень трапа и замер.

— Металл остывает, — тихо сказал он. — Не как в космосе. Здесь он... отдаёт тепло. Как будто хочет стать частью этого места.

Я невольно глянул на поручень: на тёмном металле играли блики низкого солнца, и казалось, что поверхность чуть-чуть зернистая, будто уже начала покрываться тонкой плёнкой мира.

Чуть позади Зорена опустилась на колено Велана. Она не спрашивала, не торопила — просто села так, чтобы её тень не падала на него.

— Ты слышишь не голос, — сказала она почти шёпотом. — Ты слышишь согласие. Или несогласие. Пусть присматривается. Но мы не будем обещать больше, чем можем выполнить. Сначала лагерь. Потом разговоры.

Светорусы спускались последними — но не потому, что боялись, а потому, что считали. Дарвин на ходу сверял уклон трапа с данными планшета, хмурился и что-то бормотал про нагрузку на опоры. Рядом с ним шла Кира. Она даже не смотрела на экран — она смотрела на сам металл, будто пыталась прочитать его историю по царапинам и стыкам.

— Это не коррозия, — бросила она, постучав ногтем по стыку обшивки. — Это адгезия. Как будто среда хочет, чтобы мы здесь остались.

Кулан хмыкнул:

— Звучит как комплимент планете.

Кира не улыбнулась.

— Комплименты не держат крышу. Я уже прикинула: если мы не снимем блоки регенерации сегодня, завтра будет поздно. Металл начнёт «тянуть» системы внутрь себя.

Дарвин наконец оторвал взгляд от экрана.

— Значит, работаем по плану «если всё сломается», — сказал он.

Кира кивнула:

— Именно. И пусть кто-нибудь скажет Борвину, что нам нужно минимум шесть человек на демонтаж. Без героизма. С техникой.

Лисса, стоявшая чуть в стороне, тихо усмехнулась:

— Я скажу. На меня он хотя бы не смотрит так, будто я предлагаю бросить корабль и уйти в лес.

Когда Ярун раскинул руки и крикнул ветру: «Эй! Мы здесь! Можно мы останемся?» — Лисса не стала его одёргивать. Вместо этого она шагнула чуть вперёд, встала рядом и подняла лицо к солнцу, которое никак не хотело садиться.

— Если кто-то нас слышит, — спокойно сказала она, — пусть знает, что мы не хотим драться. Мы хотим понять.

Ярун покосился на неё, будто хотел возразить, но потом

просто опустил руки.

— Прости, — буркнул он. — Опять я сначала ору, потом думаю.

Лисса пожала плечами:

— Зато ты не даёшь нам забыть, что мы живые. Только в следующий раз кричи чуть тише. А то Борвин сейчас решит, что на нас напали.

Борвин поднял руку, останавливая общий шум.

— Слушаем внимательно, — сказал он, и все замолчали. Даже Ярун перестал переминыться с ноги на ногу.

— Мирана: периметр и дозоры. Держи связь с Ладомиром. Ставь посты так, чтобы не перекрывали сектор обзора друг другу.

Мирана коротко кивнула и ушла в тень скал, уже отмечая в памяти точки для постов.

— Кира: снимаешь системы жизнеобеспечения. Дарвин и Кулан — с тобой. Если металл «тянет» блоки — не рискуйте. Тяжёлые фиксаторы, страховка, никаких импровизаций.

Кира уже доставала из сумки маркеры для разметки.

— Зорен, Велана: вы отвечаете за контакт. Не «поговорить с планетой», а понять, где нам нельзя ставить лагерь, а где можно. Если чувствуете угрозу — сразу сигнал.

Зорен посмотрел на Велану, и она чуть заметно кивнула: они поняли задачу.

— Лисса, — добавил Борвин, — держи людей. Если кто-то начнёт паниковать или спорить — разведи. И... пусть

Ярун будет рядом, но не впереди. Он хороший наблюдатель, но пока слишком громкий.

Лисса усмехнулась:

— С этим я справлюсь.

Ярун фыркнул, но спорить не стал.

Борвин на секунду задержал взгляд на мне.

— Ты не обязан быть ни воином, ни мастером, — сказал он спокойно. — Но ты видишь. Если заметишь что-то странное — скажи сразу. Не думай, что это пустяк.

Я сглотнул и кивнул. Впервые мне показалось, что моё «просто смотреть» — это тоже работа. А начиналось всё не однозначно. Я стоял у кромки воды, но видел не песок и не рябь — я видел свой первый день на Вайтмаре. Он почему-то всплывал сейчас, когда всё вокруг было чужим и слишком громким: будто прошлое стало якорем, который не даёт унести в эту новую, тяжёлую тишину.

Меня не выбирали. Меня просто нашли.

Это было на станции «Мирь-7» — перевалочный узел между внутренними колониями и дальними маршрутами. Станция жила по своим законам: каждый тянул свою лямку, и никто не смотрел по сторонам. Я тогда работал помощником техника в отсеке жизнеобеспечения: крутил гайки, чинил фильтры, следил, чтобы воздух оставался воздухом, а не ядом. Работа тихая, незаметная, как раз под мой характер.

В тот день я как раз менял картридж в рециркуляторе, когда в отсек ворвался курьер с папкой и бросил её на стол:

— Подпиши вот это. Срочно. И чтобы без ошибок.

Я подписал, не глядя. Потом оказалось, что это был контракт на вахту на Вайтмаре. Не на полгода, не на год — на цикл. А цикл у межзвёздников — это не календарь, это когда корабль сам решает, когда возвращаться.

Сначала я злился. Потом испугался. А потом... смирился. И даже начал гордиться. Потому что на Вайтмаре не брали кого попало. Даже помощника техника проверяли трижды: рефлексy, стрессоустойчивость, умение молчать, когда надо.

И вот я стою на палубе Вайтмары, а вокруг — не станция с её вечной суетой, а настоящая тишина космоса. Такая, что слышно, как гудят стены.

Старший инженер тогда посмотрел на меня и сказал:

— Ты здесь не для того, чтобы чинить трубы. Ты здесь, чтобы замечать, когда трубы вот-вот лопнут.

Я не понял тогда. А теперь понял.

На Вайтмаре я быстро научился не лезть вперёд, не спорить и не тянуть на себя внимание. Зато я научился смотреть. Смотреть на то, как меняется свет на стыках панелей, как по-разному гудят двигатели на разных скоростях, как люди ведут себя, когда думают, что никто не смотрит.

Однажды я заметил, что индикатор на резервной линии мигает не в такт с остальными. Никто не верил: «Это сбой матрицы, забудь». Но я пошёл и проверил. Оказалось — трещина в кабеле, микроскопическая, но уже с налётом пере-

грева. Если бы не заметили ещё сутки — отказала бы вся система.

После этого Борвин, который тогда ещё не был старшим, а был просто командиром смены, сказал мне:

— Ты не герой. Но ты полезный. Держи глаза открытыми.

С тех пор я и держал.

А потом пришёл этот рейс. Долгий, спокойный, почти скучный. Мы шли через «тихие зоны», где даже радиоэхо замирает. И я думал: вот оно, привычное, надёжное. Вайтмара — дом, космос — стены, а мы — те, кто держит этот дом на ходу.

Пока не пришёл сбой.

Он начался с мелочи: панель на мостике вдруг показала температуру, которой не могло быть. Потом — сдвиг курса на доли градуса, который никто не заказывал. Потом — тишина в одном из каналов связи.

Я был не на мостике, я был в техническом коридоре, проверял вентиляцию. Но я это заметил. Не цифры — а ощущение: будто корабль впервые за много циклов вздохнул не так.

Я побежал к рубке. И успел увидеть, как старший пилот кричит: «Держим курс!», хотя держать уже было нечего.

И вот теперь я стою здесь, на берегу Мидгарда, и понимаю: я всё ещё не воин, не ведун, не мастер. Но я тот, кто видит. А тем временем люди продолжали работу по освоению Мидгарда.

Лисса подошла тихо, будто боялась спугнуть мои воспо-

минания.

— Ты долго молчал, — сказала она, глядя не на меня, а на воду. — Обычно, когда человек столько молчит, значит, либо злится, либо вспоминает.

Я хмыкнул:

— Скорее второе.

Она не стала давить. Просто стояла рядом, слушала ветер.

— Знаешь, на моей родной станции, — продолжил я, сам не зная, зачем рассказываю, — все хотели быть пилотами или охранниками. А я хотел просто, чтобы всё работало. Чтобы воздух был чистым, свет — ровным, а стены — на месте.

Лисса чуть улыбнулась:

— И ты думаешь, что это мало?

— Я думал, что это... незаметно.

Она покачала головой:

— Незаметно — это когда всё ломается разом. А когда ничего не ломается — это чья-то работа. Твоя работа.

Я хотел возразить, но не стал. Вместо этого я снова посмотрел на воду. И вдруг понял: рябь, которую я видел, шла не просто из глубины. Она шла по прямой линии, будто кто-то или что-то двигалось ровно к берегу, не скрываясь.

— Лисса, — тихо сказал я. — Когда Ярун кричал... рябь шла не от ветра. Она шла к нам.

Она перестала улыбаться. Внимательно посмотрела на воду, потом на меня.

— Расскажи это Борвину, — сказала она спокойно. — Не как «мне показалось», а как факт. Ты умеешь замечать факты.

Я кивнул. И впервые за весь этот бесконечный день почувствовал, что не просто стою у кромки. Я стою на своём месте.

Первые знаки чужого мира

Я смотрел на рябь, и она будто тянула взгляд вперёд — ровная, целеустремлённая, не похожая на игру ветра. Лисса уже не стояла рядом расслабленно: её поза стала собранной, как у хищника, который слышал шорох в траве. Она не сорвалась в крик, не рванулась вперёд — просто чуть развернулась корпусом, перекрывая мне путь к берегу, будто заранее знала, что я могу шагнуть туда, куда не надо.

— Тихо, — сказала она, не сводя глаз с воды. — Не делай резких движений.

Я и не хотел. Просто стоял и чувствовал, как по спине ползёт холод, будто кто-то провёл по ней ледяной ладонью. Рябь приближалась. И теперь я видел: она не расходилась кругами. Она шла линией. Как след.

Борвин появился будто из ниоткуда — не из толпы, не из лагеря, а просто возник там, где раньше была пустота. Он не бежал, не торопился, но оказался рядом мгновенно, как бывает только у тех, кто привык замечать всё. Его взгляд скользнул по воде, по моему лицу, по лицу Лиссы — и остановился на ряби.

— Ладомир, — негромко бросил он, не поворачивая головы. — Возьми двоих. Держите сектор справа. Если что-то выйдет из воды — не стреляйте без команды. Сначала дайте знак.

Ладомир кивнул, и трое ДаАрийцев растворились среди камней, оставив после себя только ощущение, что теперь за

каждым углом кто-то есть.

Зорен подошёл чуть позже. Он не смотрел на воду — он смотрел на воздух над водой, будто пытался увидеть звук. Велана шла за ним, не отставая ни на шаг, и держала руки чуть разведёнными, словно ловила невидимые нити.

— Это не волна, — тихо произнёс Зорен. — Это... шаг.

Велана прикрыла глаза, прислушиваясь не к шуму, а к тому, как меняется тишина.

— Мир не злится, — прошептала она. — Но он насторожился. Как зверь, когда чует чужого.

Кира, которая уже успела закрепить на поясе инструменты, вдруг замерла, будто её ударило током.

— Металл, — выдохнула она, глядя не на воду, а на трап, на стыки обшивки. — Он вибрирует. Совсем чуть-чуть. Но это не ветер. Это... ответ.

Дарвин нахмурился, сверился с планшетом, потом поднял голову и посмотрел туда, где рябь уже почти касалась берега.

— Резонанс, — пробормотал он. — Как будто вода и металл нашли одну частоту.

Борвин коротко кивнул, будто это было именно то, чего он ждал.

— Кира, Дарвин, Кулан — держите дистанцию от кромки. Если начнётся резонанс — уходите вверх по склону. Не геройствуйте.

Кира хотела что-то возразить, но Дарвин тихо положил ей руку на плечо.

— Он прав, — сказал он спокойно. — Сначала поймём, что это за частота. Потом будем спорить.

Лисса чуть наклонила голову, будто пыталась услышать то, что слышали Зорен и Велана.

— Ярун, — тихо позвала она.

Он стоял чуть в стороне, сжав кулаки, будто ему было невыносимо просто стоять и смотреть.

— Да? — отозвался он, стараясь говорить ровно, но голос всё равно звенел от напряжения.

— Подойди сюда. Но не близко к воде. Просто... будь рядом. Если я скажу «беги» — беги и кричи. Пусть все слышат.

Ярун сглотнул, но кивнул. В нём сейчас боролись два начала: желание броситься вперёд и желание защитить тех, кто рядом. И он выбрал второе.

Рябь коснулась берега. И на секунду всё замерло. Даже ветер будто задержал дыхание. Вода не плеснула, не вспенилась — она просто легла на песок, как ладонь, которая осторожно касается чужого лица.

И тут из глубины поднялся силуэт. Не огромный, не чудовищный — просто... другой. Он не был похож ни на рыбу, ни на зверя, ни на человека. Его очертания дрожали, будто реальность не знала, как его правильно показать. Он стоял в воде по пояс, и вода вокруг него светилась тусклым, зеленоватым светом, как будто в ней растворили лунный свет.

Никто не закричал. Никто не бросился вперёд. Даже Ярун замер, забыв, что хотел крикнуть.

Существо медленно подняло руку. Не угрожающе — просто подняло, будто хотело показать, что в ней ничего нет. И тогда Зорен сделал шаг вперёд. Не к воде, а просто вперёд, так, чтобы оказаться между существом и остальными.

— Мы не враги, — произнёс он тихо, но так, что его услышали все. — Мы пришли не за войной. Мы пришли, потому что у нас не было другого пути.

Существо замерло. Его голова чуть наклонилась, будто оно прислушивалось не к словам, а к чему-то за ними. Потом оно медленно опустило руку и сделало шаг назад. Вода сомкнулась над его плечами, и он исчез, оставив после себя только лёгкое свечение, которое таяло, как утренний туман.

На берегу стало тихо. Слишком тихо. Даже ветер, казалось, боялся нарушить эту тишину.

Борвин медленно выдохнул, будто только сейчас позволил себе дышать.

— Мирана, — тихо сказал он. — Поставь дозор у воды. Пусть следят не за тем, что выходит, а за тем, как меняется вода. Если снова появится рябь — сразу ко мне.

Мирана коротко кивнула и исчезла в тени скал, оставив после себя ощущение, что теперь этот берег не такой уж беззащитный.

Лисса повернулась ко мне и чуть улыбнулась, но улыбка была не весёлой — она была благодарной.

— Ты заметил, — сказала она тихо. — Если бы не ты, мы бы пропустили первый знак.

Я хотел сказать, что это просто случайность, что я ничего не сделал, но слова застряли в горле. Потому что я вдруг понял: я действительно заметил. И это было важно.

Кира уже доставала из сумки какие-то приборы, хмурилась и что-то бормотала про спектры и частоты. Дарвин стоял рядом, смотрел на планшет и кивал, будто складывал в голове сложную формулу.

— Нам нужно понять, — сказала Кира, не глядя на нас, — что это за свечение. И можно ли его использовать. Или оно нас убьёт.

Дарвин хмыкнул, но в этом звуке не было насмешки.

— Сначала не умрём, — спокойно ответил он. — Потом будем использовать.

Борвин подошёл к нам, остановился рядом и посмотрел на горизонт, где солнце всё так же висело над землёй, не собираясь садиться.

— Сегодня мы не построим город, — произнёс он спокойно. — Сегодня мы просто выживем. И узнаем, что этот мир хочет нам сказать.

Я снова посмотрел на воду. Она была спокойной, будто ничего и не было. Но я знал: что-то изменилось. Мир посмотрел на нас. И теперь он ждал, что мы скажем в ответ.

Язык тишины

Ночь не пришла — она и не могла прийти, ведь Ярило по-прежнему висело над горизонтом, низкое и упрямое, будто решило лично проследить, чтобы никто не расслабился. Но темнота всё же нашла лазейку: она пряталась в тенях скал, в узких расщелинах, в складках земли, куда свет не добирался.

И именно в этих тенях теперь стояли дозорные.

Я стоял у края лагеря, рядом с тем местом, где вода всё ещё помнила прикосновение чужого силуэта. В руках у меня не было ни оружия, ни приборов — только старый технический блокнот, в который я привык записывать мелочи: перепады давления, странные звуки, едва заметные сдвиги в ритме корабля. Теперь я записывал сюда другое: как меняется воздух у самой кромки, как песок впитывает воду не так, как должен, как тишина здесь звучит иначе — будто состоит из тысяч крошечных пауз.

— Ты опять пишешь, — тихо сказала Лисса, подходя сзади. Она не старалась ступать бесшумно — просто умела двигаться так, что шаги не становились шумом. — Что там?

Я захлопнул блокнот, но не спрятал.

— Ничего важного. Просто... чтобы не забыть, какой звук у этого места.

Лисса хмыкнула, но без насмешки.

— Знаешь, на моей станции мы тоже вели журналы. Только там писали про поломки, а не про тишину. А тут тишина — это тоже событие.

Я кивнул. Мне вдруг стало легче от того, что кто-то понял, зачем я это делаю.

Недалеко от нас Кира и Дарвин раскладывали оборудование прямо на плоском камне, который кто-то из Светорусов ловко приспособил под рабочий стол. Рядом лежал странный прибор — что-то среднее между спектрографом и портатив-

ным анализатором, собранный из запчастей Вайтмары.

— Смотри, — Кира ткнула пальцем в экран, где бежали волны, похожие на кардиограмму. — Видишь этот пик? Он не совпадает ни с приливом, ни с ветром. Он идёт... изнутри.

Дарвин прищурился, приблизил изображение.

— Изнутри воды? Или изнутри планеты?

Кира пожала плечами.

— Пока не знаю. Но свечение, которое мы видели, не было биолюминесценцией. Это не химия. Это... резонанс. Как будто вода здесь — это мембрана, а под ней что-то дышит.

Борвин подошёл молча, встал за их спинами, не мешая, но так, чтобы видеть экраны.

— Значит, мы не одни, — спокойно произнёс он. — И не в том смысле, что тут есть звери или птицы. В том смысле, что этот мир... отвечает.

Зорен и Велана сидели чуть поодаль, на тёплом камне, нагретом вечным солнцем. Зорен держал в руках гладкий чёрный камешек и водил по нему пальцами, будто читал текст, написанный на неизвестном языке. Велана смотрела на воду, но её взгляд не скользил по поверхности — он уходил глубоко, туда, где рябь уже давно исчезла.

— Он не злится, — тихо сказал Зорен, не поднимая глаз. — Но он насторожен. Как ребёнок, который впервые увидел огонь: не знает, обжечься или согреться.

Велана кивнула.

— И если мы сейчас сделаем резкое движение... он может

отдёрнуть руку. И тогда волна будет не такой, как сегодня.

Борвин перевёл взгляд с приборов на Зорена.

— Что ты предлагаешь?

Зорен наконец поднял глаза.

— Не трогать. Не бурить, не копать, не ставить тяжёлые конструкции у воды. Пусть он привыкнет к нашему весу. Пусть поймёт, что мы не пытаемся его проткнуть.

Кира хотела возразить, но Дарвин мягко коснулся её плеча.

— Он прав, — сказал он. — Сначала мы должны понять, где граница. А потом уже строить.

Кира стиснула зубы, но кивнула. Для неё «не строить» было почти как «не дышать», но она умела слушать факты.

— Тогда хотя бы разрешите взять пробы, — сказала она. — Не из самой воды, а с кромки, где песок и вода смешиваются. Там может быть осадок, который расскажет о составе.

Борвин помолчал, взвешивая каждое слово.

— Пробы — да. Но без химии. Без реагентов. Только сбор и анализ. И пусть с тобой пойдёт кто-то из ХаАрийцев. Чтобы слышать, если мир скажет «стоп».

Зорен поднялся первым.

— Я пойду.

Велана встала следом.

— И я.

Я невольно сделал шаг вперёд, будто хотел тоже предложить свою помощь, но Лисса тихо коснулась моего локтя.

— Твоя работа не там, — сказала она, кивая на мой блокнот. — Твоя работа — здесь. Замечать то, что другие пропускают.

И я остался.

Пока Кира, Зорен и Велана осторожно двигались вдоль кромки, стараясь не нарушать ритм берега, я снова открыл блокнот и записал: «Песок впитывает воду слоями. Первый слой — сразу. Второй — медленно, будто не хочет. Третий — вообще не впитывает, лежит поверх, как пыль».

Рядом со мной вдруг оказался Ярун. Он не стоял спокойно — он переминался с ноги на ногу, будто земля была слишком горячей или слишком чужой.

— Мне кажется, я должен быть там, — пробормотал он, глядя вслед уходящей группе. — Я быстрый. Я могу первым заметить опасность.

Я хмыкнул, но не насмешливо.

— Ты быстрый. Но ты громкий. А здесь нужно быть тихим.

Ярун нахмурился, будто это было оскорблением.

— Тихий — это скучно.

— Тихий, — спокойно ответил я, — это когда ты слышишь, как мир шепчет. А если ты кричишь, ты ничего не услышишь.

Он хотел что-то возразить, но вдруг замер. Его взгляд скользнул по воде, по песку, по тени скалы, и в нём мелькнуло что-то новое — не нетерпение, а любопытство.

— А ты... ты правда слышишь? — тихо спросил он.

— Не слышу, — признался я. — Но я вижу. Вижу, как меняется свет на стыках, как песок ложится не так, как должен. И этого хватает.

Ярун кивнул, будто принял это как ответ. И вдруг улыбнулся — не широко, не радостно, а так, будто нашёл что-то важное.

— Тогда научи меня видеть, — сказал он. — Не быть тихим. А видеть.

Я хотел сказать, что это не навык, а привычка, что этому нельзя научить за минуту, но потом понял: ему и не нужна минута. Ему нужно было просто знать, что это возможно.

— Смотри на стыки, — сказал я. — На границы. Где вода встречается с песком, где тень касается камня, где воздух дрожит над нагретой землёй. Вот там и прячется правда.

Он кивнул и сел на корточки, почти касаясь песка, но не касаясь — будто боялся спугнуть момент.

Тем временем группа у кромки остановилась. Кира осторожно собирала образцы в прозрачные контейнеры, Зорен стоял рядом, закрыв глаза, и дышал в такт с приливом. Велана держала руки чуть разведёнными, будто ловила невидимые нити.

Вдруг Зорен резко открыл глаза.

— Стоп, — тихо, но твёрдо сказал он.

Кира замерла с контейнером в руке.

— Что?

— Дальше нельзя, — прошептал Зорен. — Он... не пускает.

Велана кивнула, подтверждая.

— Ещё шаг — и он решит, что мы нападаем.

Кира медленно опустила контейнер, не закрывая.

— Хорошо, — выдохнула она. — Хватит и этого.

Они повернулись и пошли обратно, и в их походке не было спешки, но была собранность — как у тех, кто только что прошёл по краю пропасти и понял, что дальше нельзя.

Когда они вернулись, Борвин молча принял контейнер с образцами, кивнул Зорену и Велане, а потом посмотрел на меня.

— Ты всё записал? — спросил он.

Я сжал блокнот.

— Да.

— Хорошо. Пусть это будет наш первый отчёт. Не про то, что мы построили, а про то, что заметили.

Солнце всё так же висело над горизонтом, не собираясь садиться. Но теперь я знал: этот бесконечный день — не подарок. Это испытание. И мы только начали его проходить.

Лагерь понемногу обретал форму: Светорусы уже набросали схему временного укрытия из панелей Вайтмары, Да'Арийцы расставили дозоры так, что ни один подход к берегу не оставался слепым, а Ха'Арийцы всё чаще замирали в странных позах — будто прислушивались к самому воздуху. Но при всей этой суете в лагере чувствовалась натянутая

струна: каждый ждал, что тишина вот-вот лопнет.

Я снова стоял у кромки, листал свой блокнот и пытался уложить в строчки то, чего нельзя измерить приборами: как песок «сопротивляется» воде, как свет ложится на скалы не ровно, а будто слоями. Рядом со мной, почти не нарушая тишины, появилась Лисса. Она не подошла — она просто оказалась там, где тишина становилась чуть мягче.

— Ты опять пишешь про воздух, — тихо сказала она, кивая на блокнот. — Будто он тут другой.

— Он и правда другой, — ответил я. — Тяжелее. Или... гуще. Не знаю, как сказать.

Лисса хмыкнула и присела на корточки, не боясь испачкать одежду. Для Рассенов грязь и ветер были не помехой, а частью разговора с миром.

— У нас на родной станции, — начала она, будто продолжая давний разговор, — воздух всегда пах железом и озоном. Там всё было громким: сигналы, сирены, голоса, которые перекрывали друг друга. И я быстро поняла одну вещь: если хочешь, чтобы тебя услышали, не надо кричать. Надо говорить ровно. И вовремя.

Она чуть улыбнулась, вспоминая.

— Однажды у нас случился сбой в шлюзе. Давление падало, все орало, кто-то пытался вручную крутить вентиль, кто-то звал охрану. А я просто встала в центре отсека и сказала: «Стоп. Сначала смотрим на манометр. Потом решаем». И знаешь, что случилось? Все замолчали. Не потому что я бы-

ла главной. А потому что в этом крике мой голос был единственным, который не дрожал.

Я посмотрел на неё по-новому. В её спокойствии не было равнодушия — в нём была собранность, как у того, кто знает цену лишней секунде.

— Вот поэтому ты здесь, — сказал я, не как комплимент, а как факт. — Когда все кричат, ты говоришь ровно.

Лисса пожала плечами, но в её глазах мелькнуло что-то похожее на благодарность.

— Не то чтобы я специально. Просто... я вижу, как люди рассыпаются от страха. И если я начну паниковать вместе с ними, мы все рассыплемся. А если я скажу: «Смотри, тут вот эта стрелка. Она падает медленно. У нас есть время», — кто-то выдохнет. И этого хватает.

Я кивнул. Теперь я понимал, почему Борвин доверял ей держать людей. Это был не мягкий характер — это была работа, тонкая и незаметная, как настройка чувствительного прибора.

Недалеко от нас Кира всё ещё хмурилась над образцами, Дарвин что-то быстро записывал в планшет, а Зорен и Велана стояли чуть поодаль, будто охраняли сам момент тишины. Борвин подошёл к ним, остановился, не перебивая, и просто слушал.

Вдруг Ярун, который всё это время переминался с ноги на ногу, резко выдохнул и сорвался с места — не к воде, а к Кире, будто хотел что-то сказать, но слова застряли у него

в горле.

— Да что тут вообще происходит?! — выкрикнул он, и его голос ударил по тишине, как камень по стеклу. — Мы стоим, смотрим, пишем... а вдруг оно сейчас вылезет снова и... и...

Он не закончил, потому что не знал, как назвать свой страх. Но все его поняли.

В этот момент Лисса не стала его одёргивать. Она не сказала «успокойся» и не посмотрела строго. Вместо этого она просто встала рядом с ним, не слишком близко, чтобы не давить, и сказала спокойно:

— Оно может вылезти. А может и нет. Но если вылезет, нам будет легче, если мы не будем толкаться и кричать друг на друга. Ты ведь не хочешь, чтобы из-за твоего крика кто-то ошибся и сделал не то?

Ярун сжал кулаки, потом разжал. Его дыхание всё ещё было рваным, но в глазах уже не было паники — только злость на себя.

— Прости, — буркнул он. — Я просто... не умею стоять и ждать.

Лисса чуть улыбнулась.

— Никто не умеет. Просто одни делают вид, что умеют, а другие честно говорят, что нет. Ты хотя бы честный.

И тут она вдруг рассмеялась — не громко, не издевательски, а так, будто вспомнила что-то нелепое.

— Знаешь, на моей станции был один техник, который

каждый раз, когда срабатывала тревога, первым делом поправлял воротник. Как будто если воротник ровно, то и авария не страшна. Мы все над ним смеялись. Но знаешь что? Когда он поправлял этот воротник, мы тоже переставали паниковать. Потому что это было что-то обычное. Что-то своё.

Ярун невольно хмыкнул, и напряжение в его плечах чуть спало.

— Ну, я бы воротник не поправлял, — пробормотал он.
— Но... можно я буду стоять рядом? Не впереди, не героем, а просто... рядом. Чтобы не быть одному.

Лисса кивнула.

— Можно. И даже нужно. Вдвоём ждать легче.

Борвин, стоявший неподалёку, чуть заметно кивнул, будто слышал именно то, что хотел. Он не хвалил Лиссу вслух, но в его взгляде было признание: она сделала то, что не смогли бы сделать приказы.

Тем временем Зорен подошёл ближе и тихо сказал:

— Мир не злится. Но он... присматривается. Как будто решает, можно ли нам здесь быть.

Велана кивнула.

— И сейчас он слышит не слова. Он слышит, как мы дышим. Если мы будем дышать ровно, он поймёт, что мы не враги.

Кира подняла голову от приборов, посмотрела на всех по очереди и вдруг сказала:

— Ладно. Значит, пока не бурим, не копаем, не льём хи-

мию. Будем собирать и смотреть. Но мне нужен кто-то, кто будет замечать, если... если что-то пойдёт не так. Не приборы. А людей. Кто-то, кто видит, как у кого дрожат руки.

Она посмотрела прямо на Лиссу.

— Я знаю, что это не твоя работа. Но... ты видишь это лучше всех.

Лисса не стала отнекиваться.

— Хорошо, — спокойно сказала она. — Я буду смотреть. И если увижу, что кто-то слишком напряжён, или слишком спокоен, или вообще перестал замечать, что делает, — скажу. Без крика. Просто тихо.

Дарвин хмыкнул, но в этом звуке не было насмешки.

— Тогда у нас есть план. Не идеальный. Но наш.

Солнце по-прежнему висело над горизонтом, не собираясь садиться. Но теперь я понимал: этот вечный день не был ни благословением, ни проклятием. Он был экзаменом. И Лисса, со своим тихим голосом и умением видеть мелочи, оказалась одним из тех, кто помогал нам его сдавать.

А я снова открыл блокнот и записал: «Лисса не успокаивает словами. Она делает так, что слова становятся не нужны. Она возвращает людям их дыхание». И это, пожалуй, было самым важным наблюдением за весь день.

Первые стены

К утру — если это можно было назвать утром, ведь Ярило так и не сдвинулось с места — лагерь стал похож на лагерь. Не на поселение, не на базу, а именно на лагерь: временное,

собранное из того, что было, и держащееся не столько на расчётах, сколько на упрямстве.

Светорусы работали всю ночь. Не потому, что Борвин приказал — потому что не могли иначе. Дарвин чертил схемы прямо на песке, и Кира тут же проверяла каждую линию на прочность, прикладывая к панелям датчики и хмурясь, когда цифры не совпадали с расчётами. Кулан, молчаливый и уверенный, резал обшивку Вайтмары портативным плазменным резакон, и искры летели в вечный свет, как маленькие, злые звёзды.

Укрытие получилось невысоким, приземистым — три соединённых модуля, снятых с корпуса корабля, поставленных полукругом и скреплённых распорками. Не дом. Даже не навес. Просто место, где можно лечь и знать, что сверху не рухнет.

— Не красиво, — буркнул Кулан, оглядывая результат. Кира постучала ногтем по стыку.

— Не красиво, — согласилась она. — Но герметично. А герметичность, в отличие от красоты, держит воздух внутри и пыль снаружи.

Дарвин кивнул, не отрываясь от планшета.

— Через три дня переделаем. Сейчас главное — чтобы давало тень. А то некоторые уже начали загорать и забыли, что спать тоже надо.

— Ночи тут нет, — заметил Ярун, стоявший рядом и пытавшийся быть полезным, хотя его помощь сводилась к тому,

что он подавал инструменты раньше, чем у него просили.

— Вот именно, — невозмутимо ответил Дарвин. — Поэтому и ставим. Чтобы хоть кто-то мог закрыть глаза и не чувствовать, будто Ярило смотрит ему в лицо.

Борвин обошёл укрытие по периметру, провёл ладонью по стыкам, проверил распорки. Не похвалил и не раскритиковал — просто кивнул, и этого было достаточно.

— Годится, — коротко бросил он. — На первое время. Теперь — вода и тень. Без этого мы не протянем и двух циклов.

Воздух был тёплым, мягким, почти ласковым, с лёгкой примесью влаги, как в оранжерее, где растения ещё не научились сортировать запахи. Земля под ногами была не мёрзлой, а живой, податливой, и трава — да, трава! — росла здесь густо и невысоко, будто ковёр, который кто-то расстелил специально.

Кира впервые за весь день выглядела удивлённой. Она присела на корточки, потрогала стебель, понюхала.

— Это не должно здесь расти, — пробормотала она. — По нашим данным, на полюсе — лёд. Метры льда. А тут...

— Данные устарели, — спокойно сказал Дарвин, оглядываясь. — Или мир с тех пор изменился. Но факт остаётся: тепло. Травы. Вода. И солнце, которое не уходит.

Зорен опустился на колено, прижал ладонь к земле и замер.

— Земля тёплая, — тихо произнёс он. — Не снаружи. Из-

нутри. Будто у неё есть своё тепло, своё дыхание. Она греет снизу, а Ярило — сверху. Мы оказались между двумя огнями.

Велана кивнула.

— Поэтому здесь так хорошо растёт. Два источника тепла. Один — сверху, ровный, неустойчивый. Другой — снизу, глубокий, спокойный. Они не спорят. Они... дополняют друг друга.

Кира хотела что-то записать, но передумала и просто хмыкнула. Иногда факты важнее заметок.

Воду нашли быстро: чуть выше по склону, среди камней, сбегал тонкий ручей — не широкий, но ровный, будто земля сама решила познакомиться с ними постепенно. Зорен первым подошёл к нему, опустил ладонь в воду и замер.

— Она... спокойная, — тихо сказал он. — Не как море. Море спрашивает. А эта... просто течёт. Будто давно ждёт, чтобы кто-то напился.

Велана присела рядом, прислушиваясь.

— Чистая. Не по составу — по намерению. Она не хочет нам зла.

Кира, конечно, не поверила на слово. Набрала воду во флягу, пропустила через портативный фильтр-анализатор, сверила с базой данных. Потом подняла голову и неохотно кивнула.

— Годится. Минерализация выше, чем мы привыкли, но в пределах. Если не пить ведрами сразу — можно.

Дарвин уже прикидывал, как провести трубку от ручья к лагерю, но Борвин остановил его.

— Руками. Носим. Пока не поймём, как этот мир реагирует, когда мы в него что-то втыкаем.

Дарвин хотел возразить, но коротко кивнул. Он уже научился: спорить с Борвином — это тратить время, которое лучше потратить на дело.

Главной проблемой оказался не холод, а свет. Ярило висело над горизонтом, низкое, оранжевое, неумолимое, и не собиралось уходить. Для глаз, привыкших к чёткой смене дня и ночи, это было мучительно: тело не понимало, когда спать, когда бодрствовать, и люди ходили сонные, раздражённые, будто их лишили чего-то базового, чего они раньше не замечали.

Ярун, который вчера кричал ветру и смеялся, сегодня сидел на камне и тёр глаза.

— Оно светит и светит, — пробормотал он. — Я не могу закрыть глаза и не видеть его. Даже через веки.

Лисса подошла, присела рядом.

— Поэтому Борвин и поставил укрытие не от холода, — спокойно сказала она. — А от света. Чтобы было место, где темно. Где можно лечь, закрыть глаза и знать, что никто не светит тебе в лицо.

Ярун кивнул, но не встал.

— А ты? Ты тоже не спишь?

Лисса чуть улыбнулась.

— Я Рассена. Я вообще плохо сплю в тишине. А тут тишина — это ручей и ветер, и всё. Но я привыкну. И ты привыкнешь. Просто нужно место, где глазам темно, а ушам — тихо. И всё.

Светорусы, конечно, подошли к проблеме инженерно. Дарвин снял с Вайтмары несколько панелей внешней обшивки — тёмных, матовых, не пропускавших свет, — и использовал их как крышу для спального модуля. Кира загерметизировала стыки, а Кулан, молчаливый и уверенный, приварил распорки, чтобы конструкция не рухнула, если на неё обопрётся кто-то тяжёлый.

Получилось три модуля. Первый — спальный: тёмный, тесный, с низким потолком, но зато без света. Второй — складской: сюда свалили всё, что сняли с Вайтмары. Третий — общий: не закрытый, а навес, под которым можно было есть, говорить, думать.

— Не красиво, — повторил Кулан, оглядывая результат.

— Не красиво, — снова согласилась Кира. — Но темно. А темнота, в отличие от красоты, даёт сон.

Отдельно пришлось решать вопрос с энергией. Вайтмара давала тепло и свет от работающих систем, но Кира уже предупредила: если не снять блоки регенерации в течение суток, металл начнёт «втягивать» их в себя — адгезия, которую она заметила ещё на трапе.

— Это не коррозия, — повторяла она, будто заклинание. — Это что-то другое. Этот мир хочет, чтобы наш металл стал

его частью. И если мы не поторопимся, то потеряем и металл, и системы.

Поэтому из четырёх модулей Вайтмары собрали один энергоблок: сняли регенераторы, перебросили кабели, подключили к резервному генератору, который Дарвин спас в последнюю минуту, буквально отдирая его от корпуса, уже начавшего покрываться тонкой, странной плёнкой.

— Вот, — выдохнул Дарвин, откладывая резак. — Теперь у нас есть энергия. Не много, но хватает, чтобы фильтры работали, приборы не сели и, главное, чтобы в спальном модуле был воздух, а не духота.

Кира осмотрела генератор, провела пальцами по стыкам.

— Два, три цикла — и нужно будет искать другой источник. Этот не вечный.

— Ничто не вечно, — спокойно ответил Дарвин. — Но два-три цикла — это два-три цикла. За это время мы что-нибудь придумаем.

Когда лагерь был готов — настолько, насколько он мог быть готов в первый день, — Борвин собрал всех. Не построил, не скомандовал «Равнение на меня» — просто встал у центрального модуля, и люди сами подошли, потому что поняли: сейчас будет сказано что-то важное.

Их было сорок три. Сорок три человека, которые вчера были экипажем Вайтмары, а сегодня стали жителями Мидгарда. Я пересчитал по привычке — просто чтобы убедиться, что все на месте. ДаАрийцев — двенадцать, ХаАрийцев

— девять, Светорусов — четырнадцать, Рассенов — восемь. И я — сорок третий, который не принадлежал ни к одному роду, но был здесь, среди всех.

Борвин обвёл взглядом собравшихся. Его лицо было спокойным, но не мягким — скорее выточенным, как камень, который уже видел столько ветров, что перестал обращать внимание на очередной.

— Мы выжили, — начал он без предисловий. — Корабль сломан. Обратного пути нет. Это — факт. Его не изменить. Но есть другой факт: мы здесь, мы дышим, и у нас есть руки, головы и время.

Он чуть помолчал, давая словам осесть.

— Мир, на который мы ступили, — живой. Он не просто фон. Он реагирует. Он смотрит. И пока мы не понимаем, как он устроен, мы будем осторожны. Каждый шаг, каждое действие, каждая воткнутая в землю палка — с осознанием.

Зорен тихо кивнул. Велана прикрыла глаза, будто подтверждая его слова не голосом, а присутствием.

— Но есть и другое, — продолжил Борвин, и его голос чуть потяжелел. — Мы не знаем, что здесь водится. Мы видели одно существо в воде. Только одно. А сколько их — мы не знаем. Какие они — не знаем. Поэтому укрытие — не каприз, а необходимость. Это наши стены. Пока нет других.

Он обвёл всех взглядом.

— Распределение задач. Мирана и Ладомир: периметр, дозоры, оборона. Круглосуточно. ДаАрийцы — смены по че-

тыре цикла. Без исключений.

Мирана коротко кивнула, Ладомир — за ней.

— Кира, Дарвин, Кулан: системы жизнеобеспечения. Вода, энергия, фильтрация. Всё, что снимаем с Вайтмары, — учёт, маркировка, склад. Ничего не теряем.

Кира вскинула голову.

— А если металл продолжит...

— Продолжит, — спокойно ответил Борвин. — И мы будем с этим работать. Но не сегодня. Сегодня — снять, что можем, и спрятать, что не можем.

— Зорен, Велана: контакт с миром. Не контакт в смысле «разговаривать с камнями». Контакт в смысле «понимать, где можно, а где нельзя». Ваше слово — закон в этом вопросе. Если вы говорите «стоп» — стоп. Без обсуждений.

Зорен и Велана одновременно кивнули, будто были одной системой.

— Лисса, — Борвин чуть смягчил голос, но лишь на долю. — Люди. Все сорок три. Если кто-то ломается, кто-то теряет себя, кто-то перестаёт спать или, наоборот, спит слишком долго — ты замечаешь. И действуешь. Без отчётов, без бумаг. Просто действуешь.

Лисса не кивнула — она просто посмотрела на него прямо и чуть прищурилась, будто говорила: «Я уже начала».

— И ты, — Борвин перевёл взгляд на меня. — Ты — глаза. Ты замечаешь то, что проходит мимо других. Записываешь. Не для того, чтобы было, а для того, чтобы потом, когда мы

забудем, кто что видел, остался след. Понял?

Я сглотнул и кивнул. Снова это чувство: не герой, не воин, не мастер, но без меня картина неполная.

— Все поняли? — Борвин обвёл всех взглядом. — Тогда — по местам. День длинный. И он не закончится.

Разошлись тихо, без суеты. Каждый знал свой сектор, каждый понимал, что от него ждут. И впервые за всё время я почувствовал, что мы — не просто люди, упавшие с неба. Мы — структура. Хрупкая, несовершенная, собранная из обломков, но структура.

Первым делом я проверил спальный модуль. Зашёл внутрь, и темнота обняла меня, как одеяло. Тёмные панели Дарвина работали: свет Ярило не проникал сквозь них, и внутри было сумрачно, тихо, почти уютно. Несколько человек уже лежали на снятых с корабля матах, кто-то спал, кто-то просто лежал с закрытыми глазами, и в их дыхании было что-то благодарное, будто темнота была для них важнее воды.

Я отошёл к краю лагеря, уселся на плоский камень, тёплый от вечного солнца, и открыл блокнот. Записал:

«Лагерь готов. Три модуля: спальный — тёмный, складской, общий навес. Энергоблок от резервного генератора. Вода — ручей выше по склону, ручной перенос. Металл Вайтмары продолжает меняться: плёнка на стыках стала толще. Кира говорит — адгезия. Зорен говорит — мир принимает. Разница в словах, но суть одна: наш металл стано-

вится местным. Скорость — на глаз, примерно сутки до видимых изменений на открытых участках.

Климат не тот, что мы ожидали. Тепло. Травы. Ручьи. Земля тёплая изнутри. Зорен говорит: два источника тепла, один сверху, другой снизу. Ярило не уходит, и, кажется, именно поэтому здесь растёт то, что по нашим данным расти не должно. Мир не соответствует нашим картам. Наши карты устарели. Или мир с тех пор изменился.

Существо из воды не появлялось. Но Мирана заметила: рябь на спокойных участках повторяется с интервалом. Не волна, не ветер. Регулярность. Будто кто-то проверяет: на месте ли мы.

Сорок три человека. Все живы. Лисса ходит между модулями и разговаривает. Не о деле — о разном. Спрашивает, как спали, что приснилось, не болит ли что. По-моему, это её способ держать нас в сборе. Не приказами, а присутствием.

Ярун сегодня молчал почти весь день. Это странно и немного пугает. Лисса говорит, что он просто привыкает. Я бы добавил: он учится быть не только голосом, но и ушами.»

Я закрыл блокнот и посмотрел на горизонт. Ярило висело всё там же, низкое, оранжевое, неутомимое. И я вдруг подумал: а может, оно не потому не садится, что мы ещё не сделали ничего благого. Может, оно ждёт, когда мы поймём, что благое — это не великие дела, а простые. Построить тень,

чтобы другие могли поспать. Найти воду. Не сломаться. Заметить, что рядом кто-то молчит, и сесть рядом.

Ярун действительно сидел один, чуть поодаль от лагеря, на самом краю скалы, и смотрел на воду. Я подошёл, сел рядом, не говоря ни слова. Он покосился на меня, но ничего не спросил. И мы просидели так долго, в тишине, которая впервые за весь день не давила, а просто была.

— Знаешь, — наконец сказал он, и голос его был тихим, непривычно тихим, — я всю жизнь считал, что если молчишь — значит, тебе нечего сказать. А сейчас думаю: может, если молчишь — значит, ты наконец-то слышишь.

Я кивнул.

— Добро пожаловать на Мидгард, — тихо сказал я.

Он хмыкнул. И впервые в этом хмыке не было нетерпения. Только согласие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.